

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б. Н. Ельцина»

На правах рукописи

Попович Алексей Игоревич

**Мученичество в памятниках публицистики России
на пороге Нового времени**

Специальность 5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург – 2025

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Соболева Лариса Степановна

Официальные оппоненты: **Буланин Дмитрий Михайлович**,
доктор филологических наук, ФГБУН
Институт русской литературы (Пушкинский
Дом) РАН (г. Санкт-Петербург), главный
научный сотрудник Отдела древнерусской
литературы;

Калугин Василий Васильевич,
доктор филологических наук, профессор,
ФГБУН Институт русского языка имени
В. В. Виноградова РАН (г. Москва), ведущий
научный сотрудник Отдела
лингвистического источниковедения и
истории русского литературного языка;

Панич Тамара Васильевна,
доктор филологических наук, ФГБУН
Институт истории Сибирского отделения
РАН (г. Новосибирск), ведущий научный
сотрудник Сектора археографии и
источниковедения.

Защита состоится «19» июня 2025 г. в 11:00 часов на заседании
диссертационного совета УрФУ 5.9.07.19 по адресу: 620000,
Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал диссертационных советов, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ
ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента
России Б. Н. Ельцина»:

<https://dissovet2.urfu.ru/mod/data/view.php?d=12&rid=7154>

Автореферат разослан « ____ » мая 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, доцент

Е. Е. Приказчикова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность и степень научной разработанности проблемы. Современная гуманитарная наука различных направлений уделяет всё больше внимания «узловым» переходным эпохам, периодам системных трансформаций и кризисов, отказываясь от оперирования категориями завершенности, обусловленности и буквальной смены одних явлений другими, обнаруживая в прошлом не только предпосылки последующих процессов, но и моменты «развилки». Закономерно, что переходная эпоха рубежа XVII–XVIII вв. (предпетровское и петровское время) находится в центре последних исследований¹. Задавая новые вопросы относительно этого периода, гуманитарная наука сосредотачивается на выявлении условий и следов многовекторности процессов трансформации во всех сферах общественной жизни и культуры². В литературоведении активно изучается переход от «древней» литературы к «новой», но преимущественно с обращением к системе новаторских для этой эпохи жанров³.

В диссертационном исследовании задействована консервативно-традиционная парадигма жанров публицистической направленности, свойственная древнерусской книжности, которая находится, однако, под влиянием тенденций переходного времени. Памятники публицистики, в том числе традиционного жанра церковной проповеди, выступают пространством возможностей и интеллектуального выбора ее авторов⁴, площадкой для обсуждения новых идей и использования старых понятий в новых контекстах. В их ряду находилось и мученичество.

Внимание к мученичеству связано с откликом отечественной гуманитарной науки последних лет⁵ на общемировую тенденцию

¹ Кошелева О. Современная отечественная историография России предпетровского времени: новые аспекты // *Quaestio Rossica*. 2018. Т. 6, № 1. С. 269–289.

² Черная Л. А. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М., 1999.

³ Николаев С. И. Литературная культура петровской эпохи. СПб., 1996; Ромодановская Е. К. Русская литература на пороге нового времени. Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994; Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006; и др.

⁴ Киселева М. С. Интеллектуальный выбор России второй половины XVII – начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. М., 2011.

⁵ См., например, подборки статей в журнальных рубриках: Жертва vs жертвенность: религия – политика – культура // *Quaestio Rossica*. 2021. № 4; Мученичество: идея, культ, теория // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2022. № 1.

изучения мученичества как рассказанного кем-то нарратива, интерпретации, обусловленной конкретными задачами рассказчика и культурно-историческим контекстом⁶. Специальное исследование мученичества в России на пороге Нового времени как дискурсивного поля предпринимается впервые. Единственной работой, затрагивавшей сходную проблематику, является статья А. В. Каравашкина, который отметил принципиальную неразграниченность в церковнославянском и древнерусском языках дискурсов мученичества и мучительства⁷. Исследователь привлек к изучению несколько ключевых текстов древнерусской литературы XI–XVII вв., сделав акцент на конвенциональности политических идей тирании и противопоставленного ей мученичества.

Вариативность воплощения этих идей А. В. Каравашкин описывал как коннотации и отклонение от некоей нормы, что, однако, не совсем корректно, учитывая проблематичность описания нормы как таковой. За последнее время категориально-понятийный аппарат исследования переходных эпох пополнился новыми теоретическими подходами. Существенной для поставленной проблемы является направление Кембриджской школы интеллектуальной истории (Кв. Скиннер, Дж. Покок)⁸. Подход ориентирован на изучение устойчивых риторических стратегий и дискурсивных практик, которые, трансформировались, с одной стороны, оказываясь в новом историко-культурном контексте, а с другой – будучи индивидуальным речевым актом, своего рода социальным действием.

Внимание к контексту и словесному оформлению высказывания характерно и для освоенного отечественной наукой подхода немецкой школы историй понятий (*Begriffsgeschichte*, Р. Козеллек)⁹. Семантические сдвиги отдельных понятий конструктивно исследуются

⁶ *Martyrs and Martyrologies: Papers Read at the 1992 Summer Meeting and the 1993 Winter Meeting of the Ecclesiastical History Society* / Ed. by D. Wood. Oxford, 1993; *Martyrs and Martyrdom in England, c. 1400–1700* / Ed. by T. S. Freeman, T. F. Mayer. Rochester, NY, 2007. См. также приложение этих идей к частному украинскому сюжету: *Bartolini M. G. The Discourse of Martyrdom in Late Seventeenth-Century Ukraine. The 'Passion-Sufferers' Boris and Gleb in the Homilies of Antonij Radyvylovs'kyj and Lazar Baranovyč* // *Zeitschrift für Slawistik*. 2016. Т. 61, № 3. Р. 499–527.

⁷ *Каравашкин А. В. Власть мучителя. Конвенциональные модели тирании в русской истории XI–XVII вв.* // *Россия XXI*. 2006. № 4. С. 62–109.

⁸ См.: Кембриджская школа. Теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М., 2018.

⁹ См.: *Словарь основных исторических понятий. Избранные статьи: в 2 т.* / Сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле. М., 2016.

и на материале переходного времени¹⁰. Так, В. М. Живову, испытавшему влияние Р. Козеллека и совместно с коллегами сделавшему историческую семантику (раздел лингвистики) частью истории культуры¹¹, принадлежит понимание последней как широкого определения истории понятий, которая должна учитывать тесные связи религиозной и социальной сфер: «...в русской дискурсивной истории – еще в большей степени, чем в дискурсивной истории многих европейских языков – социально-историческая сфера крайне нечетко отделена от сферы христианско-религиозной, с одной стороны, и народно-магической – с другой»¹². К сожалению, авторитетное предложение Д. С. Лихачева изучать русскую культуру как концептосферу – «“алгебраическую” подстановку всего культурного опыта нации»¹³ – и в итоге сложить общую картину из понятий как частей целого во многом остается лишь декларацией. Осложняет эту задачу также то, что эту картину необходимо рассматривать с учетом внутренней динамики и движения на оси времени.

В отличие от немецкого подхода, сосредоточенного на понятиях социально-политического характера, отечественная гуманитарная наука успешно работает в этом направлении в связи с другими сферами, демонстрируя, что в переходную эпоху XVII–XVIII вв. происходят смысловые сдвиги и в использовании религиозных по своему происхождению идей и понятий. Применительно к российской культурной ситуации перехода от Средневековья к Новому времени малосодержательными оказываются общепринятые концепции секуляризации и обмирщения¹⁴, «разрыва» с христианской традицией¹⁵.

¹⁰ «Культура духа» vs «Культура разума»: интеллектуалы и власть в Британии и России в XVII–XVIII веках / Под общ. ред. Л. П. Репиной. М., 2022. С. 8–10.

¹¹ Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени / Под ред. В. М. Живова. М., 2009; Эволюция понятий в свете истории русской культуры / Отв. ред. В. М. Живов, Ю. В. Кагарлицкий. М., 2012; Понятия, идеи, конструкции: очерки сравнительной исторической семантики / Под ред. Ю. Кагарлицкого, Д. Калугина, Б. Маслова. М., 2019.

¹² Живов В. М. История понятий, история культуры, история общества // Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени / Под ред. В. М. Живова. М., 2009. С. 10.

¹³ Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. С. 287.

¹⁴ Ср.: Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984; Сукина Л. Б. Поздняя осень русского Средневековья. Очерки культурной истории Московского государства (XVI–XVII вв.). М.; СПб., 2021.

¹⁵ Лотман Ю. М. Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Таллинн, 1993. Т. 3. С. 127–137.

Скорее в этой, безусловно, пограничной для культуры сфере происходил своего рода трансфер сакрального (*Sakraltransfer*)¹⁶. Динамика и перераспределение сакральных идей мученичества связывается в диссертации с мировоззренческими сдвигами, обновлением понятийно-семантической сетки, а также индивидуальными риторическими стратегиями.

Материалом исследования является комплекс памятников русской публицистики раннего Нового времени, касающихся обсуждения идей мученичества и мучительства. Широко задействованы рукописные материалы из древлехранилищ и старопечатные издания XVII – начала XVIII в. Источники группируются по дискурсивно-тематическому принципу, отражающему их взаимообусловленные коммуникативные задачи:

- 1) Официальные правительственные тексты (указы, присяги, объявления и др.) / индивидуальные и коллективные источники (послания, челобитные, письма).
- 2) Историко-публицистические тексты в сборниках писателей патриаршего круга / проповеди и другие памятники ораторского красноречия.
- 3) Старообрядческие памятники публицистики / антистарообрядческая полемическая литература.

Объектом исследования является феномен мученичества как дискурсивное поле в памятниках публицистики России раннего Нового времени.

Предмет исследования – изменчивость и образное многообразие дискурсивных практик мученичества в тематико-функциональном контексте памятников публицистики переходного времени.

Целью исследования является определение художественного своеобразия и динамики дискурсивных практик мученичества в памятниках публицистики раннего Нового времени.

Цель работы конкретизируется в следующих **задачах**:

1. Ввести в научный оборот новые источники публицистической направленности.
2. Раскрыть жанровые особенности разнообразных полемических памятников в литературном процессе переходного времени.

¹⁶ См., например, использование концепции применительно к описанию общеевропейских тенденций милитаризации святости: Die Militarisierung der Heiligen in Vormoderne und Moderne / Hrsg. von L. Berezhnaya. Berlin, 2020. S. 31–33.

3. Охарактеризовать историческую семантику понятий *мученик*, *мученичество*, *мучитель*, *мучительство* / *тирания* с учетом ее семантической подвижности в различных контекстах памятников публицистики.

4. Описать образное воплощение топики мученичества и мучительства в памятниках публицистики.

5. Определить факторы авторской телеологии, конкретные дискурсивные практики в обращении к идеям мученичества и мучительства со стороны публицистов, а также случаи взаимообусловленности дискурсивных практик.

6. Выявить изменчивость функционирования, процессы модификации круга обозначенных понятий и дискурсивных практик с учетом публицистического и исторического контекста споров о мучениках.

Методологическая и теоретическая база исследования. В основе работы лежит системный подход, рассматривающий материал в его целостности. В него входят классические направления изучения памятников древнерусской литературы (литературное источниковедение, палеография, кодикология, текстология), в отношении переходной эпохи XVI–XVII вв. представленные трудами ученых ленинградско-петербургской школы медиевистики (В. П. Адрианова-Перетц, И. П. Еремин, Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Л. А. Дмитриев, О. А. Белоброва, Д. М. Буланин и др.) и новосибирской школы археографии и источниковедения (Е. К. Ромодановская, Е. И. Дергачева-Скоп, О. Н. Фокина, О. Д. Журавель, Л. С. Соболева, Т. В. Панич и др.), а также конкретизируемые ниже общие для литературоведения методы:

1) Историко-функциональный метод, позволяющий исследовать функционирование публицистических памятников в историко-культурных контекстах переходной эпохи (обобщающие труды А. Н. Робинсона, А. М. Панченко, А. С. Елеонской, Б. А. Успенского, С. И. Николаева, Л. И. Сазоновой и др.).

2) Структурно-типологический метод, применяемый при выявлении общих приемов (топосов, литературного этикета, риторических ходов, отсылок и др.) в структуре текстов разной жанровой типологии (работы А. С. Орлова, Д. С. Лихачева, А. М. Панченко, Р. Пиккио, О. В. Творогова, Е. Л. Конявской, Т. Р. Руди и др.).

3) Герменевтический метод, в котором учитываются особенности мировоззрения авторов переходной эпохи для корректной

интерпретации созданных текстов. Наибольшее значение для раскрытия герменевтики памятников переходного времени имеют работы ученых московской школы медиевистики (А. Н. Робинсон, А. С. Елеонская, А. С. Демин, А. В. Каравашкин, В. М. Кириллин и др.).

Необходимостью решения ряда специальных задач исследования оправданы его междисциплинарность, использование современных методов и подходов историко-филологической науки, применяемых рядом исследователей по отношению к книжности переходного времени: компаративистики (М. Б. Плюханова), исследования литературной техники и риторических стратегий переходной эпохи (В. В. Калугин, Ю. В. Кагарлицкий), культурной антропологии (А. А. Панченко), исторической семантики / истории понятий, истории идей / интеллектуальной истории (Б. А. Успенский, К. Ю. Ерусалимский, М. А. Киселев), изучения чтения и читательской рецепции (Д. Уо, Г. Маркер), историко-религиозных исследований (А. С. Лавров, В. М. Живов, П. Бушкович), дискурс-анализа и др.

Научная новизна исследования заключается прежде всего в выборе материала и постановке проблемы. Комплексное исследование мученичества как дискурсивного поля в русской публицистике раннего Нового времени предпринято впервые. Новаторским является изучение дискурсивных практик мученичества в соотношении с описанием подвижной исторической семантики соответствующих понятий. Обоснован подход к изучению идей мученичества и мучительства (тирании) в их неразрывном единстве применительно к русской интеллектуальной культуре переходной эпохи, представленной в литературных текстах.

Рассмотрение в одном ряду памятников публицистики разного происхождения и функциональной направленности выявило очень схожие и постоянно воспроизводящиеся дискурсивные практики мученичества. При характеристике отдельных полемик описаны многочисленные примеры взаимообусловленности и противоположной направленности дискурсивных практик. Эти наблюдения позволили проблематизировать и пересмотреть ряд публицистических споров, уточнить намерения и обстоятельства обращения к этим практикам в текстах патриаршего круга.

Исследование позволило внести ряд уточнений в историю отдельных литературных памятников и текстов, принадлежащих к сфере официальной правительственной публицистики. Также новизна исследования определяется недостаточной степенью освоения рукописного и старопечатного наследия публицистов. Многие

сочинения, задействованные в диссертационной работе, до сих пор не опубликованы и привлекались к исследованиям только спорадически.

Теоретическая значимость исследования заключается в возможности использования выводов при разработке теоретических проблем, связанных с описанием закономерностей развития русской литературы. Исследование дискурса мученичества в публицистике еще раз продемонстрировало правомерность и необходимость целостного взгляда на период в истории литературы, который обычно подвергается разделению на литературу Московского царства (иногда с принципиальным делением XVI и XVII вв.) и литературу петровской эпохи. Помимо выявления диахронного единства материала, перспективным оказалось и синхронное рассмотрение памятников публицистической направленности разной жанровой природы. Это способствует выявлению закономерностей и перекличек разных литературных традиций, которые обычно рассматриваются как принципиально разные по риторике и назначению (например, старообрядческие тексты и антистарообрядческая полемика).

В работе представлен практический и аналитический материал для дальнейшего изучения проблемы идейных взаимовлияний литературных памятников и документальных свидетельств в аспекте единства текстопорождения и риторических стратегий. Одной из граней такого взаимодействия является проблематизированная в исследовании генетическая общность идей элитарной книжности патриаршего круга и массовых эсхатологических настроений.

Диссертация представляет значимость для интеллектуальной истории, поскольку впервые предполагает изучение динамики общественных представлений о мученичестве в ситуации переходного времени. Исследование подтверждает на оригинальном материале положение об актуализации авторского начала и усилении внимания к переживаниям и устремлениям отдельного человека – с одной стороны, и формированию национально-государственной идеологии и политической культуры в эпоху реформ и преобразований – с другой.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования материалов и выводов исследования как в общих учебных курсах (история древнерусской литературы и культуры, поэтика текста, концептосфера русского языка), так и в специальных историко-филологических курсах, посвященных исторической семантике и истории понятий, а также интеллектуальной истории.

Степень достоверности исследования определяется репрезентативностью источниковой базы, обращением к широкому

кругу памятников русской публицистики XVI – начала XVIII в., комплексным исследованием рукописной и старопечатной традиции и учетом многочисленных историко-литературных контекстов, описанных с обращением к современному методологическому инструментарию гуманитарных наук.

Положения, выносимые на защиту:

1. Памятники публицистики переходного времени – эпохи государственного строительства – ярко воплощают кризисное состояние общества, выраженное в конфликтности и полярном противостоянии идей и аргументации авторов текстов. Распространению идей мученичества способствовала разнонаправленная религиозная полемика и распространение эсхатологических идей.

2. Фактором обращения в публицистике к идеям мученичества не только *за веру / Церковь*, но и *за царя и за отечество* стало закрепление в присягах, синодиках и других проправительственных текстах новых форм взаимоотношений власти и подданных. Генетически эти идеи восходили к воинской литературе предшествующего времени, однако трансформировались на рубеже XV–XVI вв. под воздействием идеологом Московского царства.

3. В сочинениях Андрея Курбского, посвященных спору с царем Иваном Грозным, и челобитных служилых людей XVII в. идеи готовности к мученичеству за ценности государственного порядка служили оправданием деяний, квалифицировавшихся на официальном уровне как измена или бунт. В текстах служилых людей восстание мотивируется верностью данной государю присяге («доброхотством»), желанием восстановить справедливость и предотвратить несправедливые деяния «мучителей» (наделенных государственной властью вельмож). Эта же риторическая стратегия использовалась частью авторов старообрядческого движения.

4. Разнонаправленная дискурсивная природа мученичества, одобряемого на государственном уровне, проявилась также в ответных обличениях намерений служилых людей в памятниках официальной публицистики. Государственные изменники с конца XVI в. обличаются как мучители, проливающие христианскую кровь, тогда как фигура царя подвергается дополнительной сакрализации как борца с мучителями, готового пострадать *за веру и за христианских людей*.

5. Дискурсивные практики мученичества, взаимно толковавшиеся противоборствующими сторонами как «лживые» и манипулятивные, и с той, и с другой стороны опирались на Священное Писание, святоотеческие сочинения и другие авторитетные источники.

Интерпретации мученичества, хотя и находились под влиянием разнородного контекста, оперировали общепризнанным пониманием подвига мученичества как пути к спасению души.

6. Рассуждая о мучительстве царя и гонениях на Церковь со стороны еретиков-мучителей, церковные книжники выдвигали критерии соответствия личности правителя идеалу правления по божественной благодати, напоминали царю о личной ответственности за православное царство, что отразили полемические сочинения против еретиков, рецепция историко-эсхатологических пророчеств и сочинений о царях-мучителях прошлого.

7. Дискурсивная практика обещания мученического спасения в церковных сочинениях, адресованных воинству, обладала потенциалом конфликтности в системе отношений: «священство» – «царство». В ряде текстов патриаршего круга разграничивается государственный и религиозный долг, воплощенный в целеполагании готовности к смерти на поле боя: в первую очередь *за веру и за Церковь* и только во вторую – *за отечество и за дома своя*.

8. Процесс конструирования образов новых мучеников через создание соответствующих нарративов и полемических текстов оказался напрямую связан с драматическими событиями российской истории XVII в. Самая развитая система почитаемых мучеников за веру была создана старообрядцами. Антистарообрядческая полемика книжников патриаршего круга включала в себя опровержение старообрядческих представлений о мученичестве. В антистарообрядческих сочинениях старообрядцы выступают в роли мучителей, а на положении мучеников находятся представители официальной Церкви, трактуемые старообрядческими писателями как гонители.

9. Наиболее острая полемика по вопросам: кого можно назвать мучениками, и могут ли появляться мученики за веру в настоящее время? – относится к рубежу XVII–XVIII вв. и связана с процессами религиозного дисциплинирования – борьбой с неинституциональной сотериологией, суевериями и лицемерием. Разъясняя в поучениях смысл блаженства «изгнанных правды ради», церковные и государственные власти рассчитывали регламентировать понимание мученичества в «народном» мировосприятии. В петровскую эпоху эта задача дополнилась также обличением «бунтовщиков», якобы «прельщающих» людей своей готовностью к мученическим страданиям.

Выводы работы прошли разностороннюю **апробацию**. Основные положения и результаты работы изложены в 17 публикациях общим

объемом 16,4 п. л., из которых 9 статей (общий объем 10,8 п. л.) опубликованы в рецензируемых научных журналах, определенных ВАК РФ и Аттестационным советом УрФУ, в том числе 8 статей в изданиях, входящих в международные базы данных Web of Science и Scopus. В числе публикаций, отражающих выводы исследования, также находятся главы коллективной монографии «“Культура духа” vs “Культура разума”: интеллектуалы и власть в Британии и России в XVII–XVIII веках» (М., 2022).

Результаты исследования неоднократно обсуждались на международных и всероссийских конференциях, семинарах, школах, круглых столах, в том числе: «Древнеславянские литературы и книжность: новейшие исследования и научные проекты» (Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, 2020, 2024); «Язык, книга и традиционная культура позднего русского средневековья в науке, музейной и библиотечной работе» (Московский государственный университет, 2024); «Человек и власть в эпоху русского средневековья» (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2023); «Общее место: риторика, политика, культурная память» (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2021); «История понятий: эпистемологические традиции и методологические новации» (Институт всеобщей истории РАН, 2020); «Старообрядчество в истории и культуре России: проблемы изучения» (Институт российской истории РАН, 2020); “Intellectuals and Power in Britain and Russia: Ideas and Values in the Transition Era (the 17th–18th Centuries): Conflict of Interpretations and Semantic Shift” (University College London, UK, 2021); «Исповедь и проповедь в культуре и литературе» (Естественно-гуманитарный университет, Варшавский университет, Польша, 2019); Конференция молодых филологов (Тартуский университет, Эстония, 2019); «Глобальная история: языки культур и проблемы переводимости» (Армянский государственный педагогический университет им. Х. Абовяна, Армения, 2023); «Русская литература: история, текстология, источниковедение, комментарий» (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2024); «Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии» (Институт истории Сибирского отделения РАН, 2020); «Мяндинские чтения» (Сыктывкарский государственный университет, 2023); «Дергачевские чтения» (2021, 2024); «Уральские археографические чтения» (2024); «Initium. Художественная литература: опыт современного прочтения» (Уральский федеральный

университет, 2022); «Церковь. Богословие. История» (Екатеринбургская духовная семинария, 2022, 2024) и др.

Работа над диссертацией велась при поддержке грантов Российского научного фонда: № 19-18-00186 «“Культура духа” vs “Культура разума”: интеллектуалы и власть в Британии и России в эпоху перемен (XVII–XVIII вв.)»; № 22-28-01617 «Противостояние “крошечному миру” в творчестве проповедников конца XVII – начала XVIII в.: авторская аксиология, механизмы воздействия»; № 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: идея “общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)»; № 25-28-00808 «Трансформация древнерусской литературной традиции в рукописных сборниках старообрядцев и церковных полемистов XVIII в.».

Структура и объем работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений, списка источников и цитируемой литературы (623 ед.).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** раскрыты актуальность и степень разработанности темы диссертационной работы; определены материал, объект, предмет, цель и задачи исследования; охарактеризованы методологическая и теоретическая база, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, а также степень достоверности исследования; сформулированы положения, выносимые на защиту; представлена информация об апробации выводов работы.

В первой главе диссертационного исследования **«Царь и подданные: риторика мученичества в публицистике Московского царства»** описывается функционирование идей мученичества в памятниках публицистики, посвященных отношениям государя и служилого человека. Готовность к мученической смерти не только *за веру*, но и *за царя* и *за государство* в процессе оформления идеологии Московского царства оказалась в числе адаптированных к новым обстоятельствам традиционных сакральных представлений. Мученичество стало дискурсивной практикой, адаптируемой под нужды сторон, обсуждающих идеалы царского правления и государственной службы (*доброхотства*). Сочинения служилых людей, выступавших в роли публицистов, реализовывали символический ресурс, репрезентируемый категориями чести и славы и приобретаемый

при спасении веры и государства от мучителей и изменников. Обличая мучительства со стороны изменников, *неправдотворцев*, злых советников, официальной Церкви и других институтов, челобитчики рассчитывали повлиять на государей, напомнить им о принципах милосердия и праведного суда, о разделении справедливого наказания и мучения. С противоположных позиций в официальных текстах подобные самовольные действия служилых людей, как правило, оценивались как нарушение присяги и вред государству.

В первом параграфе **«Формуляр присяги служилых людей и воинских синодиков»** показано, что генетически формулы прогосударственного мученичества восходили к топике мученической смерти за православную веру в воинских повестях о татаро-монгольском нашествии и напутствиях воинов перед сражениями. Выражение готовности *головой положить* за конкретного князя или за Русскую землю, а затем и использование формулы *положить душу свою* в Древней Руси были распространены повсеместно с древнейших времен и в клятвах служилых людей. С конца XVI в. эти идеи встраиваются в присяги государю, церковные оглашения, шертовальные записи и др. Присягая положить душу за веру и государя, подданный не только вручал свою жизнь суверену, но и мог рассчитывать на достойную посмертную судьбу. После Соборного решения 1548 г. в синодиках смерть на государственной службе по значимости воздаяния в иной жизни была поставлена наравне со смертью за Церковь и веру. Составление помянников стало важной частью формирования в публицистике патриотической риторики православного государства. Подданные вместе с символическими вознаграждениями за верную службу получили и набор аргументов для апелляции к государю через послания и челобитные.

Второй параграф **«Нарушение присяги в полемике Андрея Курбского и Ивана Грозного»** посвящен ряду аспектов риторики и аргументации царя и А. М. Курбского в литературной полемике, значительное место в которой занимали идеи мученичества. Рассуждая о присяге и ее нарушении, князь ориентировался на установленный порядок взаимоотношений государя и подданного и отстаивал собственное *доброхотство* и готовность умереть *за царя* в соответствии с обещанием в присяге. Дискурсивная природа воинского мученичества проявилась в возможности использования его с целью, прямо противоположной глорификации царя, за которого проливается мученическая кровь на поле боя. Помимо, переписки, это нашло отражение в «Истории о делах великого князя московского»,

включающей в себя мартиролог. Отвечая Курбскому, Иван Грозный сознательно опровергает тезис о мученичестве тех, кого он считает изменниками, справедливо наказанными за свои преступления.

В третьем параграфе **«Мученичество и этико-богословские воззрения Андрея Курбского»** разбираются истоки интереса А. М. Курбского к жанру мартиролога, среди которых были не только эмиграция и намерение обличить царя-мучителя, но и религиозная полемика, в которой он принимал активное участие. В польско-литовских землях активно распространялись новейшие мартирологи, востребованность которых была обусловлена событиями Реформации и Контрреформации. В условиях эсхатологических ожиданий роль личности Курбского как «писателя» житий новомучеников и «ревнителя благочестия» необычайно возрастала, а его тексты о мучениках (включая части переведенных «Нового Маргарита» Иоанна Златоуста, агиографического свода Симеона Метафраста и «Богословия» Иоанна Дамаскина) приобретали религиозно-политическое звучание. Это сближало замыслы Курбского с подчеркнуто политическими и полемическими европейскими мартирологами того же времени (Киприана Базилика, Джона Фокса, Жана Креспена, Петра Скарги и др.).

В четвертом параграфе **«Прагматика и риторика челобитных служилых людей»** разбираются памятники публицистики «бунташного» XVII в.: коллективные челобитные участников восстания 1648 г. и Псковского восстания 1650 г., послания к царю в «Истории о невинном заточении боярина А. С. Матвеева» и др. В общественном сознании раннего Нового времени немилостивое наказание, государственное насилие без вины часто трактовалось как мучение. Апеллируя к царскому милосердию, служилые сословие демонстрировало готовность к самопожертвованию за государя и верность присяге, рассчитывало на праведный государев суд и предлагало свой вариант видения государственного блага, включая сопротивление *мучительству* со стороны вельмож (экстраполяция идеи *царя-мучителя* на носителя государственной власти). В официальных текстах о восстаниях (память жертвам Псковского восстания 1650 г., «сказка» о Степане Разине и др.), как и в ответных посланиях Ивана Грозного Андрею Курбскому, *доброхотству* противопоставлена *измена*, а в отдельных случаях *изменники* наделялись демонизированными чертами христианских *мучителей*.

Пятый параграф **«Московское восстание 1682 г. в публицистике: вельможи–“неправдотворцы” и республика стрельцов-тиранов»**

посвящен наиболее драматичному выступлению служилых людей, породившему ряд полемических текстов. В челобитной к государям восставшие потребовали символического признания своей невиновности. В царской грамоте, удовлетворявшей челобитной стрельцов, запрещалось называть стрельцов изменниками и утверждалась их готовность пролить кровь за Россию как *дом пресвятыя / пречистые Богородицы*, за государей и православную веру. Эти разъяснения были также написаны на столпе, установленном на Красной площади. Измена государям, очевидная для большинства современников, и кровопролития по требованию стрельцов были официально названы защитой государей, осененной сражениями за веру и отечество, в соединении со справедливым наказанием подлинных изменников и *неправдоотворцев*. Впоследствии царские грамоты были отозваны, столп разрушен, а в описывающих события восстания «Созерцании кратком» Сильвестра Медведева и «Записках», приписываемых А. А. Матвееву, стрельцы, в соответствии со сложившейся практикой, называются *мучителями и тиранами*.

Во второй главе «**“Священство” и “царство”**: **тирания и гонимая Церковь в сочинениях патриаршего круга**» исследуется взаимосвязь идей и понятий *мученичества* и *мучительства (тирании)* в церковных публицистических сочинениях. Возможность именования нечестивого правителя *мучителем* уже с первых веков христианства на Руси преследовала цели предупреждения и определенного контроля над действиями князей со стороны духовных властей. Проблемы идеального государя и праведности правителя, определявшейся как его политическим поведением, так и личным благочестием, в раннее Новое время обретают популярность в полемической книжности. Принципы богоугодного правления в этих сочинениях напрямую формировались через идеи *благой симфонии священства и царства*. Обличения правителей со стороны священства не только допускались, но и требовались каноническими правилами. Особое внимание уделено писательским кругам патриархов Иоакима и Адриана. Неверно видеть в отдельных упоминаниях *царя-мучителя* исключительно обличительные интонации и прямой конфликт, напротив, *мучительское правление* широко обсуждалось как анти-идеал, противопоставленный образу благочестивого царя, от которого зависит будущее царства.

Первый параграф **«Идея царя-мучителя в древнерусской книжности»** посвящен общности происхождения в восточно- и южнославянской книжности слов *мученик* и *мучитель*, а также процессам словообразования и словоупотребления, отразившимся на

взаимодополнении семантики понятий. Прежде всего это повлияло на концепцию *царя-мучителя* (*тирана*): к оценкам мучительских деяний и страданий непосредственно за веру в риторических построениях очень часто примешивались политические компоненты. В сочинениях переходного времени обличение *царя-мучителя* имело характер предупреждения со стороны священства. В основе таких пророческих обличений, как правило, лежали исторические аллюзии и апелляция к каноническим правилам.

Во втором параграфе **«Рецепция историй о тиранах и пророчеств о смене царств»** исследуются стратегии чтения в переходную эпоху сочинений, содержавших обличения царей-мучителей прошлого и аккумулировавших пророчества, касающиеся настоящего времени и прогнозирующие время будущее. В ряду исторических и публицистических текстов, осуждающих *мучительство* / *тиранию* как неблагоприятное правление, в XVII в. закономерно оказались сочинения А. М. Курбского, иногда переписывавшиеся с другими текстами о московских *тиранах* прошлого (перевод трактата «О обычаях царя и великого князя Иоанна Васильевича» Александра Гваньини, нюрнбергская компиляция 1687 г. «Краткое и новейшее описание»). Особое внимание уделено взаимосвязи этих исторических актуализаций с концепцией смены четырех царств из пророчества Даниила (Дан. 7–12). В патриаршем круге конца XVII в. имел широкое распространение основанный на толковании этого пророчества «Хрисмологион» Николая Спафария, выписки из которого попали в исторические компиляции с примерами и определениями царей-мучителей. Спецификой публицистического понимания истории стало ее потенциально манипулятивное идеологическое использование в оценке современности, когда прошлое становится примером для нравственного наставления правителя.

В третьем параграфе **«Чтение Курбского и идеи “священства” и “царства” на рубеже XVII–XVIII вв.»** исследуется литературное окружение Компилятивной редакции «Истории о делах великого князя московского» Курбского, созданной Евфимием Чудовским и сохранившейся в сборниках патриаршего круга. Не только звучащее публично или непосредственно адресованное царю слово обладало особым пророчизмом и потенциалом воздействия на действительность и умы современников – схожие функции выполняло чтение и переписывание сборников публицистической направленности. Подробно описан состав рукописного сборника «Воумление» начала XVIII в., принадлежавшего митрополиту Тихону (Воинову), выявлены

списки, послужившие протографами отдельных текстов, составляющих этот сборник. Компилятивная редакция объединялась с текстами, посвященными актуальным церковно-каноническим вопросам времени или демонстрирующими исторические примеры негативных последствий для Московского царства пренебрежения правителями заповедями и церковными постановлениями. Приведены аргументы, что создание Компилятивной редакции было реакцией на бракоразводный процесс царя Петра I и, возможно, связано непосредственно с патриархом Адрианом.

Четвертый параграф **«Противостояние еретикам и топика гонимой Церкви»** посвящен антиеретической публицистике патриаршего круга, в частности слову «На непокорники Церкви» Епифания Славинецкого, «Сказанию о святом Соборе» Симеона Полоцкого, «Слову о раскольниках» Кариона Истомина, изветной челобитной о Петре Артемьеве и др. Как и в текстах первой половины XVII в., в поздних сочинениях патриаршего круга Россия выступает в мессианской роли, а гонения на православную Церковь становятся подтверждением сохранения ею истинной веры. В сочинениях патриаршего круга Церковь ждет от царя заступничества, наказания по градским законам еретиков, а также политических конкурентов, опасения о действиях которых не всегда были лишь литературной формулой, а также ряда других уступок своим интересам. События этого времени складываются для Церкви в новое глобальное противостояние внутренним мучителям, еретикам. Как и для челобитных, этим текстам свойственно воссоздание ситуаций мученичества за веру, а силой, от которой зависит спасение христианского народа, является государь.

В пятом параграфе **«Риторика “лагерных проповедей”: за веру или отечество?»** описываются риторические практики напутствия воинства перед походами на иноверных в проповедях конца XVII в. Целеполагание отдельных проповедников, векторы героизации и иерархия ценностей (Церковь, вера, Бог, отечество, царь, христианские люди и т. д.), за которые воин жертвует своей жизнью, представляет собой отдельную исследовательскую проблему. Наряду со средневековыми представлениями о христианском долге защиты Церкви, веры, Русской земли и т. д. появляется сравнительно самостоятельная патриотическая государственная риторика, репрезентирующая государство как *общее благо*, а царя в этом смысле как первенствующего субъекта и гаранта *общего блага*. Однако дискурсивная практика обещания спасения в дидактических

сочинениях, адресованных людям на государственной службе, обладала потенциалом конфликтности в контексте отношений «священства» и «царства». В ряде текстов патриаршего круга подчеркивается, что воин умирает прежде всего *за веру* и *за Церковь* и только во вторую очередь *за отечество* и *за дома своя*. Идеи благочестивой смерти христианина на поле боя были тесно связаны с противостоянием появлению иноверцев среди начальников российских полков и сближались с риторикой челобитной 1698 г. стрельцов, восставших *за православную веру*. Книжная риторика переплеталась с практиками текстопорождения «моральной экономики» и массовыми представлениями о спасении души через мученичество или произволение к нему.

Третья глава **«Человек и вера: полемика о мученичестве в православном государстве»** посвящена отражению в публицистике коллективных представлений о мученичестве как пути к спасению души, его трактовкам и обсуждению современниками в религиозных полемиках времени. Потрясения переходного времени и брожение эсхатологических идей наложили отпечаток мученичества за веру и последних времен не только на осмысление судьбы Церкви и государства книжниками патриаршего круга и других групп интеллектуальной элиты, но и на коллективные представления других общественных групп. Неоднородность религиозных воззрений переходного времени сочеталась с их диффузностью. Полемике о современном мученичестве были свойственны взаимовлияния друг на друга противоположных сторон дискурса. Официальная Церковь и государство достаточно рано обратили внимание на мученический пафос старообрядческого движения и воспринимали антистарообрядческую полемику как противостояние еретикам. Старообрядцы же были убеждены в собственном благочестии и сравнивали действия своих оппонентов с гонениями на ранних христиан, усматривая в этом доказательство наступления последних времен и прихода верховного мучителя – антихриста. В антистарообрядческих сочинениях старообрядцам приписывается роль мучителей, а на положении мучеников находятся представители официальной Церкви. Для ряда авторов противостояние «незаконному», с церковно-государственной точки зрения, присвоению мученических венцов объединялось со стремлением научить паству каноническому варианту мученичества, а значит, вынуждало рассуждать на эти темы, подбирая новые слова и аргументы, учитывая и иные потребности своего времени.

В первом параграфе **«Старообрядческая концепция мученичества и “народная” эсхатология»** старообрядческие представления о мученичестве рассматриваются в контексте обострения эсхатологических ожиданий и феномена самосакрализации. Процесс конструирования новых мучеников через создание нарративов и полемических текстов был связан с драматическим укладом жизни, в котором оказались многие акторы переходной эпохи. В старообрядческой традиции наиболее последовательно оформляется тенденция называния себя мучениками в православном государстве. Ни одна другая эпоха в развитии древнерусской книжности не отличается таким разнообразием и такой концентрацией мученических житий, написанных о современниках. Староверы последовательно конструировали определенный культурный миф, выстраивали собственную систему почитаемых мучеников за веру. Наиболее системная работа была проделана книжниками Выголексинского общепольского центра Поморского согласия. Смерть и страдания *правды ради*, описанные в новых текстах о мучениках, находили множество аналогий в библейской и раннехристианской истории. Старообрядцы обсуждали также проблему истинных и ложных путей к мученическому венцу, а ряд из них обличали самосожжения, выступая против трактовки самоубийства как мученичества.

Второй и третий параграфы **«Мученичество как суеверие и лицемерие в антистарообрядческой полемике конца XVII в.»** и **«Противомученические дискурсивные практики первой четверти XVIII в.»** посвящены стратегиям полемики со старообрядческим мученическим дискурсом в официальных памятниках публицистики рубежа XVII–XVIII вв. («Увет духовный», «Обличение на Соловецкую челобитную» Юрия Крижанича, «Брозда духовная», «Розыск о раскольнической брынской вере» Димитрия Ростовского, «Пращица духовная» Питирима, «Обличение неправды раскольнической» Феофилакта Лопатинского и др.). Разобрана история чинов, содержащих формулы анафематствования в адрес старообрядческих мучеников и их почитателей. Среди линий обличения неправильно понимаемого мученичества были прежде всего: сопротивление добываемым несправедливыми путями святости и спасению души; обличение недостоверных историй о святых, ложных чудесах и нетленности мощей, в том числе в житиях; разоблачение стремления представить власть как гонительную; борьба с самосожжениями и интерпретацией самоубийства как спасительного пути; неприятие локальных культов и обрядов, часто поощряемых местным

священством; и др. Таким образом, прославление мучеников, пострадавших в результате гонений или самосожжений, обличалось в антистарообрядческой книжности в одном ряду с суевериями. Это было связано с процессами религиозного дисциплинирования, когда суеверием объявлялась любая неинституциональная сотериология. Ярче всего это отразилось в «Духовном регламенте», обозначившем размежевание полемистов в критериях признания мученичества в современное им время. Такие авторы, как Димитрий Ростовский и И. Т. Посошков, допускали мученичество в православном государстве и пользовались менее рационализированной парадигмой суеверий, отстаивая те элементы благочестия и точку зрения на пути спасения души, которые, по определению «Духовного регламента», также могли быть названы суеверными.

В четвертом параграфе «**“Идоложертвенная” топика: авторская проповедь и исправление нравов**» исследуются риторические приемы сопоставления языческого жертвоприношения и богоугодного мученичества (*повседневного*, или *бескровного*) в авторской проповеди конца XVII в. Истолкование мученичества через обращение к «идоложертвенной» топике было осознано как важная задача рядом монашествующих интеллектуалов, в текстах которых в роли мучителя выступает греховный обычай или склонение к греху, а сопротивление греху приравнивается к мученическому подвигу и получению мученического венца. Автор созданного в Прикамье сборника «Статир» следует той же традиции, демонстрируя, что современному человеку следует быть постоянно готовым к противостоянию греху и именно в этой нравственной борьбе уподобиться раннехристианским мученикам за веру. Антропологически ориентированная установка на нравственное совершенствование паствы сохранялась на фоне укреплявшихся в это время тенденций формальной дисциплинаризации религиозной жизни, регламентации путей спасения, на официальном уровне вылившейся в малоэффективную борьбу с лицемерием и суевериями.

Пятый параграф «**Блаженство “изгнанных правды ради” в законотворчестве петровской эпохи**» посвящен полемике с идеями мученичества в правительственной публицистике. Исследована история Увещения Синода «О продерзателяхъ, которые дерзають на мучение самоволно», опубликованного 21 июля 1722 г., выявлены его связи с катехетическими сочинениями, созданными по распоряжению Петра I («Первое учение отроком» и «Христовы о блаженствах проповеди толкование» Феофана Прокоповича, «Послдование о исповедании» Гавриила Бужинского и др.). Как и в предшествующие времена,

ставилась задача вернуть выступления *мучеников* в разряд бунта и обосновать справедливость наказания. Опасения властей о всенародном признании мучениками тех, кто пострадал из-за дерзновенных обличений государя, были небеспочвенными, поскольку сам статус *изгнанного правды ради* в этой ситуации был подготовлен каноническими основаниями. Толчком к законодательному регулированию этой заповеди блаженства были конкретные случаи обличителей царя-антихриста Григория Талицкого и Варлаама Левина. Объявление Петра антихристом, времени гонительным, а себя страдальцами влекло за собой судебные процессы категории «Слово и дело», политические по своему содержанию обвинения в измене, подстрекательстве к бунту и других государственных преступлениях, что представляло собой модернизацию дискурса мученичества.

В **Заключениях** сформулированы основные выводы исследования, продемонстрировавшего многообразие индивидуальных вариантов воплощения идей мученичества в памятниках публицистики XVI – начала XVIII в. В то же время риторические стратегии и дискурсивные практики книжников переходной эпохи в своей основе преимущественно воспроизводили схожую субъектно-объектную дихотомию *мучитель – мученик*, элементы которой менялись местами при наличии полемизирующей стороны. Мученичество, представляя собой дискурсивное поле, изначально предполагало возможность субъективных интерпретаций и риторических манипуляций различными силами, идеальным пространством для чего стали полемические сочинения и другие памятники публицистики раннего Нового времени.

Дискурсивные практики мученичества в публицистике задействуются в решении литературных и внелитературных задач, поэтому столь важным оказывается контекст, определяющий авторские риторические стратегии. Использование мученического дискурса в сфере политической культуры – в памятниках, обслуживающих официально-деловое взаимодействие подданных и государя, происходило в связи с идеей готовности воинства к мученической смерти *за веру, царя и отечество*, что в XVI в. становится важной частью патриотической государственной риторики. Модернизация времени заключалась и в том, что, разделяя зафиксированную присягой трактовку, служилые люди в челобитных, адресованных государю, оправдывали его поведение, официально считавшееся бунтом или изменой. Борясь с мучителями в государстве, которое оно поклялось защищать, служилое сословие демонстрировало *доброхотство* и готовность к мученичеству за веру и государя.

Соппротивление мученическому дискурсу на высшем государственном уровне, «развенчание» мучеников и обвинения их в измене и подстрекательстве к бунту вошло в ряд прочих мер «регулярного государства». Формальным основанием для публикации подобных увещаний было противостояние старообрядческим мученикам и самосожжениям. Однако неправильно понимаемое, с точки зрения властей, блаженство *изгнанных правды ради* применялось по отношению к себе не только старообрядцами, но и более широким кругом людей, считавших царя если не антихристом, то мучителем, и готовых пострадать за свои убеждения и обрести тем самым венец мученика *за правду*.

Рассуждения о мучителях не обязательно предполагали конфликтность и обличение. Обращаясь к царю на языке исторических пророчеств и аналогий, книжники патриаршего круга формулировали свои представления об идеальном государе, который должен оберегать Церковь, переживающую гонения от внешних и внутренних мучителей. Эта и другие риторические стратегии, сближая книжников патриаршего круга и старообрядческих писателей, демонстрируют повторяемость мученической топики. Несмотря на пестроту и неоднородность полемических сочинений рубежа XVII–XVIII вв., вместе со старообрядческими текстами они составляют единое дискурсивное поле, в котором обсуждалось современное авторам мученичество. Соппротивление Церкви неканонической сотериологии, самосакрализации и локальным мученическим культам, обличение мученических устремлений как суеверия и лицемерия стало ключевым шагом религиозного дисциплинирования и попыткой контроля и упорядочивания дискурса. Однако запретительные тенденции сосуществовали с иным опытом осмысления мученичества, отразившимся в сочинениях ряда проповедников и их духовно-просветительской деятельности, направленной на распространение идеалов *повседневного* мученичества.

К идеям мученичества и самопожертвования русская литература и культура в целом будут постоянно возвращаться, делая их основой нравственно-философского осмысления исторического пути русского народа. Литература обретает не только будоражащий сознание читателя конфликт противостояния, но и ряд образов, связанных с осознанным принятием необходимости страданий во имя идеи. Становятся востребованными в литературной перспективе образы страдающих героев. Переходное время, утверждая коннотацию мученичества как героического подвига прогосударственного характера, открыло

возможность сформировать идеал страданий в частных сферах жизни (муки любви и страсти, муки желаний, муки творчества и др.). Сложная природа мученичества, претерпевавшая значимые модификации, генерировала противоречивую эмотивность, порождала сложную гамму выражаемых чувств, приводя читателя к неоднозначным оценкам. Обновление традиционного содержания концепта мученичества оказалось бесценным для преодоления канонического смысла христианских понятий, переосмысления их в метафорическом ключе и углубления тем самым художественного воздействия.

Перспективой дальнейшей разработки темы является расширение жанрового состава материала (обращение к агиографии и повествовательным литературным текстам), а также исследование комплексов текстов, посвященных отдельным мученикам, и практик их почитания. Столь же важным является продолжение исследования метаморфозы понятий *мученичество* / *мученик* как в сфере литературной образности, так и манипулятивном использовании в прогосударственной политике Нового времени.

Основное содержание диссертации отражено в следующих работах.

**Статьи, опубликованные в рецензируемых
научных журналах и изданиях, определенных ВАК РФ
и Аттестационным советом УрФУ:**

1. *Попович А. И.* Жертва «живая» и «мертвая»: топос и разноречие контекста в книжности Древней Руси XI–XIV веков / А. И. Попович // Летняя школа по русской литературе. – 2019. – Т. 15. – № 2–3. – С. 115–135; 0,9 п. л.

2. *Попович А. И.* «Изображая жертву»: пафос обличения и мученичества в сочинениях Ивана Грозного и Андрея Курбского / А. И. Попович // Проблемы исторической поэтики. – 2020. – Т. 18. – № 4. – С. 67–98; 1,6 п. л. (WoS).

3. *Попович А. И.* Диктат власти и путь к личному выбору: идея жертвы за веру в России раннего Нового времени / А. И. Попович // Диалог со временем. – 2020. – Вып. 73. – С. 168–180; 1,1 п. л. (WoS. Scopus)

4. *Попович А. И.* Жертвенные аллюзии в «Истории» Андрея Курбского и рецепция XVII – начала XVIII вв. / А. И. Попович // Герменевтика древнерусской литературы. – 2021. – Сб. 20. – С. 186–207; 1,2 п. л. (Scopus).

5. *Попович А. И.* «Жажда мучения» vs страдание «правды ради»: полемика о старообрядческой жертвенности на переломе эпох / А. И. Попович // *Quaestio Rossica*. – 2021. – Т. 9. – № 4. – С. 1259–1277; 1,3 п. л. (WoS. Scopus).

6. *Попович А. И.* На пути к истории политической культуры России раннего Нового времени / А. И. Попович // *Новое литературное обозрение*. – 2023. – № 1 (179). – С. 347–354; 0,6 п. л. (WoS).

7. *Попович А. И.* «Аще идолом не кланяемся, а греху всяко поклоняемся»: топика языческого жертвоприношения в проповеди конца XVII в. / А. И. Попович // *Шаги / Steps*. – 2023. – Т. 9. – № 1. – С. 29–46; 1,2 п. л. (Scopus).

8. *Попович А. И.* Старообрядческие мученики и религиозное дисциплинирование рубежа XVII–XVIII вв. / А. И. Попович // *Антропологический форум*. – 2024. – Т. 20. – № 60. – С. 159–186; 1,6 п. л. K1 (Scopus).

9. *Попович А. И.* Мучительство, тирания и милосердие в сочинениях современников Стрелецкого восстания 1682 г. / А. И. Попович // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. – 2024. – № 3 (97). – С. 203–217; 1,3 п. л. K1 (WoS).

Монографии:

10. *Попович А. И.* Мученики под государственным контролем: полемика о самосожжениях старообрядцев / А. И. Попович // «Культура духа» vs «Культура разума»: интеллектуалы и власть в Британии и России в XVII–XVIII веках : коллект. моногр. / Под общ. ред. Л. П. Репиной. – М. : Аквилон, 2022. – С. 404–420; 1 п. л.

11. *Попович А. И.* Рецепция полемики Андрея Курбского с Иваном Грозным в XVII веке / А. И. Попович // «Культура духа» vs «Культура разума»: интеллектуалы и власть в Британии и России в XVII–XVIII веках : коллект. моногр. / Под общ. ред. Л. П. Репиной. – М. : Аквилон, 2022. – С. 481–502; 1,3 п. л.

Другие публикации автора:

12. *Попович А. И.* Жертва vs. жертвенность: телесное и святое в памятниках книжности Древней Руси / А. И. Попович // *Дергачевские чтения* – 2018. *Литература регионов в свете гео- и этнопоэтики* (г. Екатеринбург, 18–19 октября 2018 г.). – Екатеринбург : УрО РАН, 2019. – С. 64–69; 0,3 п. л.

13. *Попович А. И.* Жертвенная трактовка идеи великого государства в повестях о «собираании русских земель» XV–XVI вв.: оправдание или преодоление? / А. И. Попович // Русская филология. 31. – Тарту : Отд-ние славистики Тартус. ун-та, 2020. – С. 42–52; 0,5 п. л.

14. *Попович А. И.* Осмысление конфликта с государством через понятие жертвы в старообрядческих сочинениях XVIII века / А. И. Попович // Старообрядчество в истории и культуре России : проблемы изучения : (К 400-летию со дня рождения протопопа Аввакума). – М. : Ин-т рос. ист. РАН, 2020. – С. 129–142; 0,7 п. л.

15. *Попович А. И.* Пространство жертвы в представлениях российских интеллектуалов переходного времени: сакральное и профанное измерения / А. И. Попович // Imagines Mundi : альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. – № 11. – Сер. Интеллектуальная история. – Вып. 5. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2021. – С. 185–192; 0,4 п. л.

16. *Попович А. И.* Мученики на государственной службе: идеология и «лагерные проповеди» рубежа XVII–XVIII вв. / А. И. Попович // Новое прошлое / The New Past. – 2023. – № 2. – С. 36–50; 1 п. л.

17. *Попович А. И.* Царь vs мученик в политической культуре России раннего Нового времени / А. И. Попович // Человек и власть в эпоху русского Средневековья : материалы междунар. конф. «Человек и власть в эпоху русского Средневековья» 23–25 ноября 2023 г. – М. : ИРЯ РАН, 2024. – С. 44–49; 0,4 п. л.